

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.162

О. Г. Иванова

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА И СУДА ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ
ПРЕСЕЧЕНИЯ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

Настоящая статья посвящена анализу полномочий суда и прокурора при избрании меры пресечения, рассмотрению вопроса о введении специализированных (следственных) судей, а также о возможностях совершенствования процессуального законодательства в сфере избрания мер пресечения. Также проанализированы функции прокурора в судебном заседании при избрании меры пресечения. Поскольку у суда существует функция судебного контроля на этапе предварительного расследования, то она должна быть институционализирована; кроме того, должен быть сформирован корпус следственных судей. Обосновывается предложение сократить срок содержания под стражей при первоначальном избрании меры пресечения «заключение под стражу» до 1 месяца. Делается вывод о том, что задача прокурора при избрании меры пресечения в судебном порядке — это осуществление надзора за соблюдением уголовно-процессуального закона при избрании меры пресечения; однако позиция прокурора может сформироваться только в ходе судебного заседания, когда будут рассмотрены доводы и аргументы каждой из сторон. Прокурор в силу своей особой роли в данном производстве обязан участвовать в рассмотрении этого вопроса в суде, но не связан мнением следователя и при наличии оснований вправе не поддерживать его ходатайство. Функцию уголовного преследования на досудебной стадии уголовного процесса прокурор не осуществляет. Библиогр. 8 назв.

Ключевые слова: уголовное преследование, прокурор, суд, мера пресечения, полномочия, заключение под стражу, домашний арест, залог.

О. G. Ivanova

THE COURT AND THE PROSECUTOR'S POWERS IN TAKING CUSTODIAL MEASURES
THROUGH LEGAL PROCEEDINGS

This article is written to analyse court and prosecutor's powers in applying a custodial measure, to observe the introduction of specialized (investigative) judges, to look at the possibilities of procedural law improvement in the sphere of custodial measures. In the given article the prosecutor's powers in court hearing while applying custodial measure were examined. This work voices the opinion that since the court has a juridical control function during a pre-trial investigation, this function must be institutionalized and a corps of investigating judges must be formed. It is being explained the suggestion to commute a sentence with a primary applying as "1 month detention". The article was also arrives at a conclusion that the prosecutor's task in applying a measure of restraint in juridical procedure is the supervisory action over the criminal procedural law while applying a measure of restraint; however a prosecutor's attitude can be developed only during the court hearing after both sides' arguments and elements of claims will be heard. A prosecutor, through his overriding concern in applying a measure of restraint, lies under the obligation to take part in the trial discussing this question but he

Иванова Ольга Геннадьевна — старший преподаватель, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт Сибирского федерального университета, Российская Федерация, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79; ivanova_og_sfu@mail.ru

Ivanova Olga G. — senior teacher, Department of the Criminal procedure and criminalistics, Siberian Federal University; pr. Svobodnyy, 79, Krasnoyarsk, 660041, Russia; ivanova_og_sfu@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

is not bound by an investigator's opinion and has a right, if eligible, not to support his application. A prosecutor does not provide a criminal prosecution function in pre-trial criminal procedure. Refs 8.

Keywords: criminal prosecution, prosecutor, court, custodial measure, powers, commitment, house arrest, bail.

Домашний арест, залог и заключение под стражу максимально ограничивают свободу и личную неприкосновенность граждан, наиболее сильно из всех мер пресечения воздействуют на обвиняемого или подозреваемого психологически. В связи с этим процессуальное законодательство устанавливает особые гарантии законности и обоснованности избрания и применения этих мер пресечения, в частности: вопрос об избрании этих мер отдан на разрешение особому субъекту уголовно-процессуальной деятельности — суду; предусмотрена специальная (усложненная) процедура избрания этих мер пресечения. Значит, задача судьи, решающего вопрос об избрании меры пресечения, состоит в том, чтобы в конкретной ситуации, в конкретном рассматриваемом деле выбрать наилучший из всех возможных законных способов разрешения ситуации.

Вопросы избрания меры пресечения всегда инициирует следователь или дознаватель, в том числе вынося постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения. Однако за итоговое решение в большей степени несут ответственность не следователь и дознаватель, а прокурор и суд, поэтому нужно внимательно относиться к вопросу об их полномочиях и взаимодействии при избрании меры пресечения.

Для понимания объема полномочий суда следует ответить на ряд вопросов. Какой альтернативой обладает суд: применить предлагаемую следователем (дознавателем) меру пресечения или нет? Заключается ли эта альтернатива в ответе на вопрос о том, применить предлагаемую следователем (дознавателем) меру пресечения (например, заключение под стражу) или иную меру пресечения? Должен ли суд, например, отказывая в избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения, предложить и избрать иную меру пресечения?

Как известно, по общему правилу в соответствии с ч. 1 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹ (далее — УПК РФ) заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения. Согласно же ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ при отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу судья по собственной инициативе вправе (при наличии оснований, предусмотренных ст. 97, и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК) избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде залога или домашнего ареста.

С одной стороны, если есть встречное ходатайство со стороны обвиняемого (подозреваемого) или его защитника о применении иной, более мягкой меры пресечения, то оно должно быть рассмотрено в этом же судебном заседании. Суд должен дать оценку доводам, приведенным обеими сторонами, и вынести мотивированное, законное и обоснованное решение. Вряд ли это спорное положение.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

С другой стороны, должен ли суд каждый раз самостоятельно избирать иную меру пресечения, если он отказывает в удовлетворении ходатайства следователя (дознателя)?

Как пишет Н. А. Колоколов, положение ч. 7.1 ст. 108 УКП РФ «представляется весьма спорным, поскольку в стадии предварительного расследования определение вида меры пресечения, ее избрание функцией суда не является» [1, с. 23].

Само избрание меры пресечения правоприменителем происходит фактически в три этапа: на первом выясняется наличие обоснованного подозрения в отношении конкретного лица: затем — наличие или отсутствие необходимости избрания какой-либо меры пресечения вообще; и только если такая необходимость есть, то из предложенного законодателем перечня компетентному органу следует выбрать конкретную, подлежащую применению в данном случае меру пресечения. Получается, суд должен в своем решении обосновать либо отсутствие оснований для применения меры пресечения вообще, либо недоказанность следователем (дознателем) необходимости применить именно конкретную меру пресечения. И здесь появляется еще ряд вопросов. Предположим, суд сделал вывод о том, что оснований для применения меры пресечения нет, и просто отказал в удовлетворении заявленного ходатайства. Может ли после этого следователь или дознаватель самостоятельно избрать для подозреваемого или обвиняемого меру пресечения, например в виде подписки о невыезде, руководствуясь теми же доказательствами, что он представлял в суде? Видимо, нет. Решение суда имеет обязательный характер, и если у следователя (дознателя) не появилось иных доказательств по этому вопросу, подкрепляющих его позицию, то и принимать решение, противоречащее по сути решению суда, он не вправе.

Однако уголовно-процессуальный закон предлагает нам разрешение ситуации, когда суд указывает на недоказанность следователем (дознателем) необходимости применить именно конкретную меру пресечения, не отрицая наличия оснований для применения мер пресечения вообще. Например, суд посчитал предлагаемую следователем (дознателем) меру пресечения чрезмерно строгой, но при этом ходатайств о применении иной меры пресечения со стороны защиты не поступило. Имеет ли право суд самостоятельно избрать иную меру пресечения? Ответ на этот вопрос не так прост, как могло бы показаться. Суд, если толковать закон буквально, вправе выбирать лишь из трех мер пресечения — залог, домашний арест или заключение под стражу. Но если вопрос о наличии или отсутствии постоянного места жительства и регистрации, как правило, исследуется в судебном заседании, то можно ли избрать такую меру пресечения, как залог, если вопрос об этом вообще не поднимался и не исследовался в судебном заседании, никто о применении залога не ходатайствовал? Кроме того, для применения залога необходимо тщательно выяснить имущественное и материальное положение обвиняемого (подозреваемого), а также учитывать, что залог вправе внести не только подозреваемый или обвиняемый, но и другое физическое или юридическое лицо. Вид и размер залога невозможно определить без тщательного изучения этих данных. Поэтому, по нашему мнению, суд не вправе перейти на применение залога по собственной инициативе.

По нашему мнению, в таких случаях суд мог бы указать в своем решении буквально следующее: «Несмотря на наличие доказательств, свидетельствующих о необходимости избрания обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения, сторо-

ной обвинения не доказано (судом не установлено), что мера пресечения должна быть избрана в виде заключения под стражу. Данных, свидетельствующих о возможности применения залога или домашнего ареста, не имеется. На основании вышеизложенного в ходатайстве следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу отказать». При такой формулировке у следователя сохранилась бы возможность самостоятельно избрать иную меру пресечения, например подписку о невыезде.

Однако поскольку решение об избрании меры пресечения принимается оперативно и затягивание принятия решения не выгодно ни одному участнику процесса, то у суда все же должна быть возможность избрать более мягкую меру пресечения, а именно домашний арест (конечно, при условии обоснованности подозрения и доказанности необходимости меры пресечения вообще). Такой переход от заключения под стражу к домашнему аресту, по нашему мнению, находится в пределах полномочий суда, а подобное решение является производным от оценки обоснованности применения другой меры пресечения.

Вместе с тем суд, отказывая в избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения, не должен самостоятельно избирать иные меры пресечения, кроме домашнего ареста, так как выбор всех прочих мер пресечения (за исключением трех вышеназванных) — прерогатива органов предварительного расследования, и для их избрания решения суда не требуется.

Еще одним шагом по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере может стать внесение изменений в ст. 109 УПК РФ, а именно сокращение срока содержания под стражей при первоначальном избрании этой меры пресечения судом до одного месяца.

Мы провели анализ постановлений суда об избрании меры пресечения с целью выявить те обстоятельства, на которые при принятии решения об избрании меры пресечения суд ссылается наиболее часто. Изучение материалов суда в порядке досудебного производства² свидетельствует о том, что судьи в своих решениях используют чаще всего одни и те же аргументы в обоснование выбора меры пресечения. Наиболее значимыми доводами становятся тяжесть содеянного, наличие регистрации и постоянного места жительства, отношение к труду, характеристика личности и криминальное прошлое обвиняемого (подозреваемого).

Эти данные могут свидетельствовать о некой штамповке решений о мере пресечения. В какой-то мере это понятно, ведь первоначальное решение суд принимает в условиях срочности и оперативности, при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения впервые он не всегда имеет всю полноту информации (так как и следователь, по сути, собирает многие обосновывающие материалы за 48 часов). Однако основная ответственность за законность принятого решения лежит на судье. В таких условиях два месяца — неоправданно долгий срок для ареста, сопоставимый со сроком предварительного следствия. Вместе с тем этот вопрос связан не с раскрытием преступления (хотя степень обоснованности обвинения имеет значение), ведь и за один месяц некоторые обстоятельства вполне могут измениться (в том числе позиция следователя может укрепиться), могут появиться новые данные, которые позволят по-другому взглянуть на дело. Это не исключает возможно-

² Изучались материалы районных судов г. Красноярска методом сплошной выборки: 100 постановлений суда об избрании меры пресечения за 2015–2016 гг.

сти для адвоката или обвиняемого обратиться с ходатайством об изменении меры пресечения еще раньше, но в то же время стимулирует и следователя (дознавателя), и сторону защиты к сбору дополнительных данных и дополнительному обоснованию своей позиции. Соответственно, этот вопрос будет реально находиться на судебном контроле, и степень обоснованности решения должна только возрастать с течением времени. Об этом требовании к повышению уровня обоснованности говорит и ЕСПЧ: «Существование обоснованного подозрения о том, что задержанное лицо совершило преступление, является условием для признания законности продления срока содержания под стражей, но по прошествии времени этого становится недостаточно, и Суд должен в этом случае установить, существовали ли иные основания для лишения свободы, указанные судебными органами. Когда такие основания являются “обоснованными” и “достаточными”, Суд также должен убедиться в том, что национальные органы проявили “особую тщательность” при проведении разбирательств» (п. 90 Постановления от 13 ноября 2012 г. по делу *Королева против Российской Федерации*)³.

Когда происходила передача полномочий по избранию мер пресечения от прокурора суду, то одним из важнейших аргументов была его объективность и непредвзятость. «Задумывалось, что по нормам УПК РФ именно независимый и беспристрастный суд возьмет на себя обязанность объективной проверки и оценки действительного наличия юридических и фактических оснований для (возможного) ограничения прав и свобод личности по внесенному в суд требованию следственных органов. Декларировалось, что, являясь органом судебной власти, будучи априори исключенным из общей системы государственных органов, ориентированных на борьбу с преступностью, именно суд сможет стать надежным барьером на пути ведомственных интересов правоохранительных органов, будет в состоянии исключить массовое применение мер процессуального принуждения при отсутствии к тому оснований» [2, с. 8]. Однако с той колоссальной нагрузкой на судей, которую мы имеем на данный момент, вряд ли можно говорить о качественном рассмотрении этих вопросов. В связи с этим вполне обоснованной представляется позиция И. Ф. Демидова, давно настаивающего на создании института специализированных органов судебной власти — федеральных следственных судей, осуществляющих исключительную функцию судебного контроля и свободных от полномочий по отправлению правосудия не только по делу, по которому принимали решения на этапе досудебного производства, но и по любому другому делу [3, с. 24]. Т. В. Трубникова и А. Тришева также считают наиболее оптимальным вариантом сосредоточение соответствующих полномочий в руках специализированных судей [4, с. 50; 5, с. 6]. В. М. Лебедев отмечал, что судебный контроль за расследованием может быть обеспечен и путем поручения этой функции следственному судье [6, с. 71–72]. А. В. Смирнов, обосновывая необходимость введения штата следственных судей, приводит следующие доводы: «Судьи, чьей основной задачей является рассмотрение дел по существу, большую часть рабочего времени вынуждены посвящать рассмотрению жалоб участников процесса, даче разрешений на заключение под стражу, проведение органами расследования следствен-

³ Правовые позиции Европейского суда по правам человека, касающиеся применения п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. / Верховный Суд РФ. М., 2013. URL: <http://www.geyko.su/doc/Pravovye-pozicii-echr-arest.pdf> (дата обращения: 01.04.2017).

ных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Например, в 2013 г. материалы, рассмотренные районными судами в порядке судебного контроля, составили 59,3% от общего числа всех рассмотренных этими судами дел и материалов в порядке уголовного судопроизводства. В результате судьи просто не успевают подробно вникать в эти вопросы и относятся к принятию решений формально. Загруженность «непрофильными» вопросами неизбежно снижает качество рассмотрения основных уголовных дел» [7]. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, количество рассмотренных ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу районными судами в 2016 г. составляет 136 244, из них удовлетворено 123 032 (90,3%); рассмотрено районными судами ходатайств о продлении срока содержания под стражей 221 945, из них удовлетворено 217 232 (97,9%)⁴. Исключение ситуаций, когда один и тот же судья осуществляет и судебный контроль, и правосудие по одному и тому же делу, позволило бы лишь повысить объективность и беспристрастность судьи при вынесении приговора. Кроме того, поскольку существует достаточно широкий круг вопросов, которые укладываются в функцию судебного контроля, то, на наш взгляд, эта функция должна быть институционализирована. Превентивный судебный контроль является правовой преградой для следователя или дознавателя не случайно. Для гражданина, в отношении которого планируется совершить некоторые действия, существенно влияющие на его права, превентивный судебный контроль — дополнительная гарантия его прав и свобод.

Последний аспект, на который мы хотим обратить внимание, касается вопроса о месте и роли прокурора при решении рассматриваемых проблем. В связи с многочисленными изменениями законодательства с 2007 г. прокурор фактически утратил функцию процессуального руководства за следствием, большая часть полномочий прокурора была передана руководителю следственного органа. Прокуратура сейчас является прежде всего надзорным органом, и одной из приоритетных линий надзора уже в течение многих лет называется надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Прокуратура — единственный сегодня орган, осуществляющий надзор за законностью действий, принимаемых решений и издаваемых актов всеми органами власти и управления, в том числе силовыми. Несмотря на то что сейчас прокурор фактически лишен возможности осуществлять уголовное преследование, он, надзирая за законностью действий следователя в меру имеющихся полномочий, решает свою главную задачу — осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека, как подвергшегося уголовному преследованию, так и потерпевшего от преступления.

Формулировку УПК РФ, в которой указано, что главная функция прокурора в уголовном судопроизводстве — осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, следовало бы изменить на «осуществлять от имени государства надзор за соблюдением законодательства в ходе уголовного судопроизводства, в том числе в форме поддержания государственно-

⁴ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2013 году / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. М., 2014. С. 6, 11; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2016 году // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.01.2017).

го обвинения в суде». При этом следует иметь в виду, что в буквальном смысле функцию уголовного преследования (возбуждение уголовного дела, привлечение в качестве обвиняемого и принятие иных обвинительных решений) осуществляет не прокурор, а органы расследования. Прокурор же, осуществляя функцию надзора, имеет особые (в силу специфики отрасли), закрепленные в УПК РФ надзорные полномочия по отношению к органам следствия, используемые для обеспечения законности при проведении расследования, и более широкие полномочия по отношению к дознанию (часто о них говорят как о процессуальном руководстве дознанием). Применительно к рассматриваемому нами вопросу сказанное означает, что прокурор дает согласие дознавателям на возбуждение перед судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Следователю же такое согласие прокурора не нужно. В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК руководитель следственного органа уполномочен давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, поэтому только в суде прокурор дает заключение по ходатайству следователя, и абсолютно нормально, что может его не поддержать. Приказ Генерального прокурора РФ от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»⁵ закрепляет обязанность прокурора участвовать в судебном заседании при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения и составлять заключение об обоснованности заявленного ходатайства. С. П. Щерба и А. В. Попова совершенно справедливо отмечают: «Прокурор, принимая участие в рассмотрении судом ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, как правило, выступает на стороне обвинения, выполняет прежде всего надзорную функцию, направленную на соблюдение требований закона при применении указанной меры пресечения, а также на реализацию дискреционных полномочий при оценке фактических обстоятельств дела и обосновании необходимости применения альтернативных мер пресечения. Следовательно, позиция прокурора в процессе может выражать как интересы следствия при поддержании соответствующего ходатайства, так и интересы стороны защиты, в том случае, когда прокурор дает заключение об отсутствии оснований для избрания (продления) меры пресечения в виде заключения под стражу или ходатайствует об избрании иной меры пресечения, например домашнего ареста или залога» [8, с. 24].

Таким образом, задача прокурора в данном случае — надзор за соблюдением уголовно-процессуального закона при избрании меры пресечения, вместе с тем позиция прокурора может сформироваться только в ходе судебного заседания, когда будут рассмотрены доводы и аргументы каждой стороны. Прокурор в силу своей особой роли при избрании меры пресечения обязан участвовать в рассмотрении этого вопроса в суде, но не связан мнением следователя и при наличии оснований вправе не поддержать его ходатайство.

Литература

1. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие: в 2 ч. / В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, Н. А. Колоколов и др.; под ред. В. М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. Ч. 1. 231 с.

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

2. Ковтун Н. Н., Сулова Е. Н. Эффективность оперативного судебного контроля // Уголовное судопроизводство. 2010. № 3. С. 7–15.
3. Демидов И. Ф. Судебная реформа и новые проблемы науки уголовного процесса // Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы: матер. конф. М.; Тюмень, 1995. С. 24–25.
4. Трубникова Т. В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения заключения под стражу в современном уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. Серия «Экономика, юридические науки». 2003. № 4. С. 49–51.
5. Тришева А. Институт следственных судей — необходимое условие состязательности судопроизводства // Законность. 2009. № 7. С. 3–9.
6. Лебедев В. М. Судебная власть в современной России. СПб.: Лань, 2001. 133 с.
7. Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе // РАПСИ. 2015. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (дата обращения: 01.04.2017).
8. Щерба С. П., Попова А. В. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. № 1. С. 22–26.

Для цитирования: Иванова О. Г. Полномочия прокурора и суда при избрании меры пресечения в судебном порядке // Вестник СПбГУ. Право. 2017. Т. 8. Вып. 2. С. 209–216. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2017.207.

References

1. *Praktika primeneniia Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii*: prakt. posobie: v 2 ch. [Practice in the application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: practical guide: in 2 parts]. V. A. Davydov, V. V. Doroshkov, N. A. Kolokolov and others; ed. by V. M. Lebedev, 7th ed., updated and revised. Moscow, Iurait Publ., 2016, part 1, 231 p. (In Russian)
2. Kovtun N. N., Suslova E. N. Effektivnost' operativnogo sudebnogo kontroliia [The effectiveness of operative juridical control]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal proceeding], 2010, no. 3, pp. 7–15. (In Russian)
3. Demidov I. F. [Juridical reform and new problems of the criminal process' science]. *Voprosy ukrepleniia zakonnosti v ugovnom sudoproizvodstve v svete pravovoi reformy*: mater. konf. [Questions of consolidation of legality in criminal proceeding in relation to the legal reform: conference materials]. Moscow, Tumen', 1995, pp. 24–25. (In Russian)
4. Trubnikova T. V. Sudebnyi kontrol' za zakonnost'iu i obosnovannost'iu primeneniia zakliucheniia pod strazhu v sovremennom ugovnom sudoproizvodstve [Juridical control over the legality and justification of applying detentions in contemporary criminal proceeding]. *Bulletin of Tomsk State University. Series "Economics, legal sciences"*, 2003, no. 4, pp. 49–51. (In Russian)
5. Trisheva A. Institut sledstvennykh sudei — neobkhodimoe uslovie sostiazatel'nosti sudoproizvodstva [Investigating judges institution — the prerequisite of proceedings adversarial]. *Zakonnost'* [Legality], 2009, no. 7, pp. 3–9. (In Russian)
6. Lebedev V. M. *Sudebnaia vlast' v sovremennoi Rossii* [Juridical power in Russia nowadays]. St. Petersburg, Lan' Publ., 2001. 133 p. (In Russian)
7. Smirnov A. V. Vozrozhdenie instituta sledstvennykh sudei v rossiiskom ugovnom protsesse [Reappearance of the investigating judges institution in Russian criminal process]. *RAPSI (Russian Agency for Legal and Judicial Information)*, 2015. Available at: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (accessed: 01.04.2017). (In Russian)
8. Scherba S. P., Popova A. V. Diskretsionnye polnomochiia prokurora pri primenenii mery presecheniia v vide zakliucheniia pod strazhu [Prosecutor's discretional powers in applying the remand in custody]. *Zakonnost'* [Legality], 2016, no. 1, pp. 22–26. (In Russian)

For citation: Ivanova O. G. The court and the prosecutor's powers in taking custodial measure through legal proceedings. *Vestnik SPbSU. Law*, 2017, vol. 8, issue 2, pp. 209–216. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2017.207.

Статья поступила в редакцию 7 января 2017 г.
Статья рекомендована в печать 28 февраля 2017 г.